

Василий Брусянин

Вешний снег

Василий Васильевич Брусянин
Вешний снег
Серия «Ни живые – ни мёртвые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9463205

Аннотация

«Разделяя участь немногих неудачников, Разумовы вынуждены были жить в Шувалове на даче, несмотря на суровую зиму.

Нижний этаж дачного флигеля, где они жили, выходил террасой в крошечный садик, отгороженный от улицы дощатою изгородью; от узкой калитки к крыльцу вела неширокая тропинка, проложенная в сугробах снега...»

Василий Брусянин

Вешний снег

Разделяя участь немногих неудачников, Разумовы вынуждены были жить в Шувалове на даче, несмотря на суровую зиму.

Нижний этаж дачного флигеля, где они жили, выходил террасой в крошечный садик, отгороженный от улицы дощатою изгородью; от узкой калитки к крыльцу вела неширокая тропинка, проложенная в сугробах снега.

Кругом дачи в беспорядке стояли толстые берёзы с ноздреватой корой и тонкостволовые сосны и ели, и в зимние вьюги в сетке их веток выл и стонал суровый ветер. Иногда ветки деревьев покрывались белым пушистым инеем, тонкой белесоватой пеленой застилались стены флигеля, терраса и крыльцо, – и тогда вся крошечная дачка походила на игрушечный фарфоровый домик...

Иногда, в ясный день, в окно их дачи засматривало солнышко, и его скудные на тепло лучи, пронизывая позеленевшие от времени стёкла окон, ложились на дешёвых обоях стен тусклыми четырёхугольниками. А когда солнышко пряталось за деревья сада, на обстановку ложились полутона света и теней.

Борис Николаевич как ребёнок радовался, когда светило солнышко и, сидя с книгой или газетой у широкой двери

на террасу, не читал, а целыми часами смотрел на тёмно-голубое небо, с белыми тяжёлыми облаками, и следил за солнышком, которое с каждой минутой опускалось ниже и ниже и, погружаясь в кисею белых облаков, бледнело и, наконец, скрывалось.

Борис Николаевич откладывал в сторону книгу или газету, закуривал папиросу, поднимался со стула, тихо ступая по полу войлочными туфлями, проходил в столовую, смотрел на циферблат будильника и снова возвращался в зал, насупив брови и поминутно запахивая полы летнего пальто, заменявшего ему халат.

Простой металлический будильник был вторым предметом его внимания. Его тонкие, тёмные стрелки указывали, сколько осталось ещё длинных минут до момента возвращения из города Натальи Ивановны.

– Наташа! Наташа! Скоро ли ты вернёшься? – с тоской на душе спрашивал он сам себя, присаживаясь у стеклянной двери на террасу и снова глядя на улицу и поджидая, когда мимо изгороди промелькнёт тонкая и высокая фигура жены, в коротком жакете, отороченном серым барашком, и в серой барашковой шапочке.

А когда вернувшаяся из города Наташа стукнет калиткой, он сорвётся со своего места, быстро пройдёт в переднюю и, не дожидаясь звонка, распахнёт дверь и с улыбкой на счастливом лице непременно скажет:

– Озябла, дружок мой?.. Скорее раздевайся, обед давно

ждёт тебя!..

Он поможет Наталье Ивановне раздеться, возьмёт её холодные руки в свои горячие ладони и прильнёт губами к её тонким пальцам, потом примется целовать её в губы, в щёки и в глаза.

Потом они садятся обедать, и Наталья Ивановна принимается сообщать мужу новости из политической, общественной или из городской жизни. В их редакцию большой петербургской газеты все эти новости попадают быстро, тотчас же обсуждаются среди сотрудников, и Наталья Ивановна всегда возвращается домой под впечатлением споров и разговоров на жгучие темы. Каждый почти день Наталья Ивановна привозит домой кипу книг, газет и журналов – и всё это для своего скучающего, выбитого из колеи жизни, мужа.

Вот уже три года Борис Николаевич не у дел, и за всё это время Наталья Ивановна ни одним словом, ни одним взглядом не давала понять мужу, что такая жизнь – ненормальна. В этом, впрочем, и не было нужды.

Борис Николаевич и сам прекрасно понимал, что жизнь, какую он ведёт, ненормальна, но что же он может сделать с собою, если воля его ослабла, энергия притупилась, и в нём упало и замерло всё живое, всё жизнедеятельное, что когда-то делало его энергичным, трудоспособным и даже отзывчивым к другим.

Теперь как будто и этой отзывчивости нет: он ушёл в себя, в свою затаённую злобу на кого-то, в своё разочарование, и

мрачно стало на душе и пусто в сердце. Словно из него высосали все жизненные соки и чем-то отравили больной усталый мозг.

В глубине души он глубоко презирал себя, ни разу не смягчил этого презрения сожалением и состраданием к себе, а когда Наталья Ивановна принималась утешать мужа, говоря, что его «состояние» – временно, что это отдых после трудной скитальческой жизни, – он не верил жене и просил её не лгать ни пред собою, ни пред ним.

– Не говори этого, Наташа! Не успокаивай меня и не обманывай себя! Я пал окончательно и не поднимусь!.. Мне сорок лет! Сорок лет!.. Как это ужасно!.. Если бы мне было четыре года, я безумно счастливыми глазами смотрел бы на жизнь... а теперь – кончено... кончено...

Он в унынии замолкал, сжимая в пальцах окурок потухшей папиросы, потом поднимал глаза и тихим упавшим голосом продолжал:

– Верь мне, Наташа, если я не решаюсь покончить с собою, то только потому, что люблю тебя, и в этой любви сконцентрировались все мои радости... Всю жизнь преследовали меня неудачи, но я казался самому себе крепким и выносливым! Всю жизнь делал гадости и утешал себя, находя оправдание в чём-то, и всё моё поведение казалось мне безупречным... А тут вот случилось иначе. Встретился я с тобою – и надо бы начать новую жизнь, а струны-то во мне все ослабли, и душа измельчала... Помнишь, тот страшный-то случай!..

Ты, чистая и хорошая, указала мне на тот факт... Помнишь, дело Серебрякова... Я взял с него пять тысяч рублей и, зная, что он мерзавец и подлец, зная, что он во всём виноват, зная, что он обидел сирот Вязниковых, – я всё-таки обелил его... Я врал на суде, уверяя присяжных, что мой клиент чист и непорочен, и они, болваны, поверили мне и оправдали преступника... А ты, помнишь, тогда подошла ко мне, посмотрела на кучку кредиток, которые я принёс от Серебрякова, и ничего не сказала... только заплакала...

Он часто вспоминает эту сцену из их прошлого, и тогда он говорит тихим подавленным голосом, Наталья Ивановна с трудом сдерживает тяжёлые мучительные слёзы, а когда его голос дрогнет и оборвётся, – она припадёт к его груди и зарыдает.

Он нежным прикосновением рук поднимет её голову со своей груди, повернёт к себе её заплаканное лицо и примется её успокаивать, целуя её руки, лицо, волосы и шепча: «милая, дорогая... чистая!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.